

СТИГ ДАГЕРМАН
НЕМЕЦКАЯ ОСЕНЬ

Стиг Дагерман
Немецкая осень

«Издательство Ивана Лимбаха»

1943-1952

Дагерман С.

Немецкая осень / С. Дагерман — «Издательство Ивана Лимбаха»,
1943-1952

ISBN 978-5-89059-492-1

Стиг Дагерман (1923–1954) — автор романов, пьес, стихов и рассказов, кумир целого поколения скандинавов. Его романы «Змея» (1945) и «Остров обреченных» (1946) сделали молодого писателя знаковой фигурой литературной Швеции. Однако Дагерман всю жизнь работал и как журналист, создавая статьи, репортажи, рецензии и стихи на злобу дня для синдикалистской газеты «Рабочий». В 1946 году газета «Экспрессен» предложила Дагерману поехать в Германию и написать путевые заметки о послевоенной жизни страны. Они вызвали такой интерес, что уже в 1947 году были изданы отдельной книгой. Настоящее издание дополнено несколькими программными текстами Стига Дагермана военного и послевоенного времени. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

ISBN 978-5-89059-492-1

© Дагерман С., 1943-1952

© Издательство Ивана
Лимбаха, 1943-1952

Содержание

От переводчика	8
Немецкая осень	9
Немецкая осень	10
Руины	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Стиг Дагерман Немецкая осень

Stig Dagerman
Tysk höst och essäer i urval

Перевод с шведского Наталии Пресс

The cost of this translation was defrayed by the subsidy from Swedish Arts Council, gratefully acknowledged

Благодарим Шведский совет по культуре за субсидию на перевод этой книги

На авантитуле фото автора работы Руне Хасснера. 1949

Tysk höst och essäer i urval © Stig Dagerman, first published by Norstedts, Sweden, in 1947.
Published by agreement with Norstedts Agency

© Н. А. Пресс, перевод, 2023

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2023

© Издательство Ивана Лимбаха, 2023

* * *

СТИГ ДАГЕРМАН
НЕМЕЦКАЯ ОСЕНЬ

Перевод с шведского Наталии Пресс

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2023

От переводчика

На родине в Швеции, а также за ее пределами Стиг Дагерман (1923–1954) прежде всего известен как автор романов, пьес, рассказов и стихов. Прожив всего тридцать один год, он оставил после себя обширное литературное наследие и стал кумиром целого поколения скандинавов, зачитывавшихся европейскими экзистенциалистами. Однако в Швеции он получил известность еще и как журналист. В двадцать два года он начал сотрудничать с синдикалистской газетой «Рабочий», основанной в 1922 году и существующей по сей день. Он работал там до конца жизни, писал статьи, репортажи, рецензии и стихи на злобу дня. Уже первые романы – «Змея» (1945) и «Остров обреченных» (1946) – сделали молодого писателя одной из знаковых фигур литературной Швеции. Сразу после выхода второго романа газета «Экспрессен» предложила Дагерману отправиться в поездку по Германии для написания путевых заметок. Очерки Дагермана возымели такой успех, что уже в 1947 году вышли в виде книги под заглавием «Немецкая осень». Сборник неоднократно переиздавался в Швеции и переведен на множество языков (на немецком существует в двух переводах, новый был опубликован в 2021 году).

Издание, которое вы держите в руках, дополнено несколькими программными текстами Стига Дагермана военного и послевоенного времени, в которых он говорит о своей позиции человека и гражданина, о том, как в творчестве взаимодействуют мир внутренний и внешний, излагает свое видение роли «маленького человека» в большой истории. Заключительное эссе «Наша жажда утешения неутолима» – один из самых читаемых текстов Дагермана в XXI веке. Это исповедь писателя и одновременно гимн главной для него ценности – свободе.

Наталья Пресс

Немецкая осень

Посвящается Аннмари

Немецкая осень

Осенью 1946 года листья – в третий раз после знаменитой речи Черчилля о грядущем листопаде – упали на землю с немецких деревьев. Осень выдалась унылая, дождливая и холодная, в Руре – голод и продовольственный кризис, в остальных частях бывшего Третьего рейха – просто голод. Всю осень в западные зоны прибывали поезда с беженцами с востока. Голодные оборванцы, которых тут никто не ждал, толпились в темных вонючих бункерах вокзала или в гигантских укрытиях без окон, напоминавших квадратные газгольдеры или установленные в разрушенных немецких городах в память о поражении в войне памятники-исполины. Несмотря на молчание и пассивное подчинение, эти в высшей степени незаметные люди наложили на немецкую осень отпечаток неизбывной горечи. Заметными же они стали не только потому, что приезжали и приезжали, беспрестанно и постоянно, а еще и потому, в каких количествах они прибывали. Они стали заметны не вопреки своему молчанию, а благодаря ему, ибо ничто произнесенное вслух не может казаться настолько угрожающим, как произнесенное. Их присутствие вызывало ненависть и интерес: ненависть – потому что с собой они привозили только голод и жажду, интерес – потому что их приезд давал местным основания чувствовать ставшие уже привычными безверие и безысходность.

Кстати, кто из переживших эту немецкую осень сказал бы, что это недоверие не было необоснованным, а немощь – беспричинной? Вполне можно допустить, что неиссякаемый поток беженцев, заполонивших немецкие равнины от Рейнско-Рурского региона и Эльбы до синюющих гор вокруг Мюнхена, стал важнейшим внутривнутриполитическим событием в стране, где другой политической жизни не осталось вовсе. Еще одним внутривнутриполитическим событием примерно той же значимости оказался дождь, затопивший Рурский регион до такой степени, что во всех обитаемых подвалах вода стояла выше колена.

(Ты просыпаешься – если, конечно, тебе вообще удалось поспать – от холода в кровати без одеяла, погружаешь ноги по щиколотку в холодную воду,ходишь к камину и пытаешься зажечь отсыревшие ветки с уничтоженного взрывом бомбы дерева. Где-то в воде у тебя за спиной по-взрослому, туберкулезно кашляет ребенок. Если все же удастся разжечь огонь в печке, которую ты, рискуя жизнью, вынес из разрушенного дома и чей владелец уже пару лет лежит погребенным где-то под развалинами, то вскоре подвал заполняется дымом, и те, кто и так кашляет, начинают кашлять еще сильнее. На камине стоит чан с водой – уж чего-чего, а воды у тебя предостаточно – ты наклоняешься, и на залитом полу на ощупь ищешь пару-тройку картофелин. Потом, стоя по щиколотку в холодной воде, ты кладешь эти картофелины в чан с такой же водой и ждешь, пока они станут съедобными, хотя картофель был перемороженным уже тогда, когда тебе всеми правдами и неправдами удалось его раздобыть.)

Врач, рассказывающий иностранным журналистам о том, как выглядит питание в этих семьях, говорит, что варево в котлах просто не поддается описанию. На самом деле – поддается, как и весь их способ существования. Чудом добытое мясо неизвестного происхождения, бог знает где найденные грязные овощи – все это поддается описанию, да, все это ужасно неаппетитно, но вполне поддается описанию. Точно так же можно возразить на заявления о том, что не поддаются описанию и страдания, испытываемые детьми в этих подвальных бассейнах. Было бы желание, и тогда эти страдания можно описать, например, так: тот, кто стоит в воде у камина, наконец оставляет его на произвол судьбы, идет к кровати, где лежат трое кашляющих детей, и приказывает им немедленно собираться в школу. В подвале дым, холод и голод, дети спали полностью одетыми, а теперь встают в воду, едва не заливающуюся им в ботинки, поднимаются по темной лестнице – там тоже спят люди – и выходят в холодную и мокрую немецкую осень. До начала уроков еще два часа, учителя рассказывают иностранным гостям,

как родители жестоко выгоняют детей на улицу. Но с ними можно поспорить о том, что в данном случае считать жестокостью, а что – милосердием. Один известный своими афоризмами нацист говорил, что милосердие палача состоит в том, чтобы нанести быстрый и точный удар. Милосердие этих родителей в том, что они выгоняют детей из отсыревшего дома под дождь, из сырости подвала – в серую хмарь за окном.

Разумеется, в школу дети не идут: во-первых, потому, что школа закрыта, а во-вторых, потому, что «ходить в школу» – это просто эвфемизм того рода, что нищета создает в избытке для тех, кто вынужден говорить на ее языке. Они идут воровать или пытаться найти что-то съедобное менее предосудительным образом. Эту «не поддающуюся описанию» утреннюю прогулку троих детей, которая заканчивается, когда и правда начинаются уроки, вполне можно описать, а потом можно описать и несколько других «не поддающихся описанию» моментов школьной жизни: заколоченные грифельными досками окна в попытках защититься от холода, хотя защищают они в основном от дневного света, поэтому приходится все время держать включенной лампу, такую слабую, что детям едва удастся разобрать текст, который надо переписать, или вид на школьный двор, с трех сторон окруженный трехметровыми развалинами, какие встречаются по всей Европе, – они служат детям еще и туалетом.

В то же время было бы к месту описать «не поддающиеся описанию» дела, которыми в течение дня занимаются оставшиеся в затопленном доме, или «не поддающиеся описанию» чувства, которые испытывает мать троих голодных детей, когда ее спрашивают ее, почему она не красится, как тетя Шульц, которой солдаты-союзники дают шоколад, консервы и сигареты. Честность и моральный упадок, царящие в этих затопленных подвалах, настолько «не поддаются описанию», что мать отвечает детям: даже солдаты освободительной армии не настолько снисходительны, чтобы обратить внимание на грязное, потасканное и быстро стареющее тело, когда в городе так много тел куда моложе, сильнее и чище.

Нет никаких сомнений в том, что происходящее в подвале этой осенью было внутривнутриполитическим событием огромной важности. Еще одним таким событием стали трава, кусты и мох, которыми поросли развалины, к примеру, Дюссельдорфа и Гамбурга (вот уже третий год кряду герр Шуманн проходит мимо развалин соседнего квартала по дороге на работу в банк и каждый день с женой и коллегами обсуждает, считать ли эту зелень победой или поражением). Мертвенно-бледные лица людей, четвертый год живущих в бункерах, поразительно напоминают рыб, а лица некоторых девушек, которым несколько раз в месяц перепадают шоколадное печенье, пачка «Честерфилда», перьевая ручка или мыло, на удивление свежи – вот еще два очевидных факта этой немецкой осени, хоть и чуть менее заметных, поскольку ситуация с постоянно прибывающими с востока беженцами ухудшалась и прошлой немецкой зимой, и весной, и летом.

Такие перечисления очень печальны, особенно если берешься перечислять столь печальные вещи, но в особых случаях на это все же приходится пойти. Если набраться смелости и все-таки как-то прокомментировать атмосферу обиды на союзников, смешанную с самоуничтожением, апатией, всеобщей склонностью к сравнениям настоящего с прошлым, причем не в пользу первого, что, бесспорно, бросается в глаза гостям Германии этой печальной осенью, придется вспомнить целый ряд событий и физических состояний. Важно вспомнить, что высказывания, в которых слышатся недовольство и даже недоверие по отношению к благим намерениям побеждающих демократий, делаются не в пустоте и не с театральных подмостков, а во вполне реальных подвалах в Эссене, Гамбурге или Франкфурте-на-Майне. Важно вспомнить, что той осенью в затопленном водой подвале находилась не только бедная семья, но и журналист, который, с трудом удерживая равновесие на импровизированных мостках, брал интервью у членов семьи и задавал им вопросы о том, что они думают по поводу зарождающейся немецкой демократии, спрашивал об их надеждах и иллюзиях – и прежде всего о

том, жилось ли им лучше при Гитлере. Полученный журналистом ответ заставил его с гневом, отвращением и презрением попятиться прочь из дурно пахнущей комнаты, сесть в арендованный английский автомобиль или в американский джип, а полчаса спустя за коктейлем или стаканчиком старого доброго немецкого пива в баре при отеле для прессы начать писать опус под заголовком «В Германии процветает нацизм».

Представление о духовном состоянии Германии третьей послевоенной осенью, которое сложилось у этого и многих других журналистов и гостей страны и которое они теперь транслируют на весь мир, одновременно с этим создавая его, в каком-то смысле соответствует действительности. Если спросить у живущих в подвалах немцев, жилось ли им лучше при Гитлере, они ответят «да». Если спросить у утопающего, было ли ему лучше, когда он стоял на краю моста, утопающий ответит «да». Если спросить у человека, который живет на двух кусочках хлеба в день, было ли ему лучше, когда ему давали пять кусочков, то ответ, без сомнения, будет тот же. Любой анализ идеологических предпочтений немецкого народа этой тяжелой осенью – причем под осенью, разумеется, стоит понимать время особой нужды и страдания – будет в высшей степени необъективным, если при этом не дается более или менее точная картина того образа жизни, на который обречены эти люди. Один пользующийся всеобщим признанием французский журналист исключительно из благих намерений и в целях сохранения объективности предложил мне читать больше немецких газет, а не ходить по квартирам и не нюхать содержимое кастрюль. Разве не такого же мнения придерживается и мировая общественность? Разве не это заставило еврейского книгоиздателя Голланца написать в 1946 году после осенней поездки в Германию эссе «Европейские ценности под угрозой» – ценности, которые состоят в уважении к человеку, даже если он вызывает у нас жалость и сострадание, то есть в способности реагировать на страдание вне зависимости от того, заслуженно оно или нет.

Слышны голоса, утверждающие, что раньше было лучше, но их следует отделять от положения, в котором находятся хозяева этих голосов, и слушать их так, как мы слушаем голоса в радиоэфире. Эту картину нам выдают за объективную, потому что у людей не хватает воображения, чтобы представить себе, о каком положении идет речь, и вообще, такая буйная фантазия не рекомендуется из соображений морали, потому что для нее требуется недюжинная способность к состраданию. Да, журналисты анализируют, но на самом деле это чистой воды шантаж – анализ политических убеждений голодающих без анализа их голода.

О зверствах, которые творили немцы в Германии и за ее пределами, разумеется, мнение может быть только одно, потому что о зверствах вообще – как бы и кем бы они ни совершались – не может быть больше одного мнения. Другой вопрос – не совершаем ли и мы схожее зверство, считая страдания немецкого народа, описанные, в частности, и в этой книге, справедливым возмездием за неудавшуюся попытку немецкой завоевательной войны. Даже с юридической точки зрения такой взгляд в высшей степени ложен, поскольку горе немецкого народа коллективно, в то время как жестокость коллективной не была. Более того, голод и холод не входят в перечень юридических наказаний по той же причине, по которой в этом списке не значатся пытки и жестокое обращение, и моральный суд, выносящий обвинительный приговор и обрекающий обвиняемых на недостойное человека существование, то есть на существование, унижающее их человеческое достоинство, а не возвышающее его, в чем, собственно, и состоит невысказанное намерение земного правосудия, лишает себя всякого права на существование.

Принцип вины и отмщения можно было бы хоть как-то оправдать, если бы сами осуждающие не придерживались идей, противоположных тем, из-за которых для большинства немцев эта осень превратилась в холодный и промозглый ад на развалинах. В данном случае это не так: коллективное обвинение, предъявляемое немецкому народу, на самом деле направлено на абсурдное повинование, повинование даже в тех случаях, когда неповиновение было бы един-

ственно возможным человеческим поступком. Но если разобраться, разве не то же повиновение характерно для отношений человека с вышестоящими инстанциями во всех государствах мира? Даже в государствах, исповедующих наиболее мягкие формы принуждения, не избежать ситуаций, когда исполнение гражданского долга идет вразрез с долгом любви или уважения к ближнему (судебный пристав, выбрасывающий из квартиры мебель оставшейся на улице семьи; офицер, отдающий подчиненному приказ погибнуть в бою, который того вообще никак не касается). Ведь если разобраться, то вся суть – в одобрении принуждения к подчинению. Стоит пойти на эту уступку, как тут же оказывается, что государство, требующее подчинения, имеет в своем распоряжении средства, с помощью которых оно может принудить граждан к подчинению и заставить их совершать самые отвратительные поступки. Частичного подчинения государству не существует.

Вот почему журналист, попятившийся к выходу из залитого водой подвала в Руре, если его реакция обусловлена осознанными моральными принципами, на самом деле аморален и лицемерен. Сам он, конечно, считает себя реалистом, но нет никого более далекого от реальности, чем он. Он собственными ушами слышал, как голодная семья призналась, что при Гитлере им жилось лучше. Услышав, что множество других семей из других таких же подвалов и даже подвалов и комнат получше признаются в том же, он сделал вывод, что весь немецкий народ заражен нацизмом. Вот почему он далек от реальности – он считает немцев единым монолитным блоком, источающим нацистский холод, а не скоплением страдающих от голода и холода людей. Ответ на вопрос с подвохом, который он им задал, возмущает его столь сильно потому, что, по его мнению, живущие в подвалах немцы должны выучить свой политический урок с помощью подвальной сырости, чахотки, отсутствия еды, одежды и тепла, а главным уроком должно стать то, что политика Гитлера и их пособничество проведению этой политики в жизнь привело к падению, то есть спуску в залитые водой подвалы. Разумеется, это правда, но сама постановка вопроса указывает на отсутствие связи с реальностью и полное непонимание человеческой психологии у того, кто его задает.

От людей, оказавшихся этой немецкой осенью в нужде и нищете, требовали, чтобы они учились на собственном несчастье. Никто не думал о том, что голод – плохой учитель. Тот, кто по-настоящему голоден и при этом совершенно ничего не может сделать, станет винить в голоде не себя, а тех, от кого, как ему кажется, можно было бы ждать помощи. Голод не предполагает поиска причинно-следственных связей, разве что самых поверхностных, а значит, оказавшийся в такой ситуации человек в первую очередь обвинит тех, кто сверг режим, ранее снабжавший его всем необходимым, потому что теперь его снабжают куда хуже, чем он привык.

Разумеется, это не очень-то высокоморально, но голод к морали не имеет вообще никакого отношения. «*Erst kommt das Fressen, dann die Moral...*»¹ Этой осенью в нескольких городах Германии играли «Трехгрошовую оперу», публика приняла ее на ура, но восхищение было несколько иного рода, чем раньше: то, что раньше воспринималось как острая социальная критика, как с дьявольской точностью сформулированное открытое письмо к социальным институтам, теперь превратилось в песнь песней социальной безответственности.

Голод – никудашный учитель, ничем не лучше и война. Если попытаться расспросить живущих в подвалах немцев о ее уроках, то, к несчастью, мы не услышим в ответ, что именно война научила их ненавидеть и презирать режим, эту войну развязавший, потому что постоянная угроза жизни учит нас только двум вещам: бояться и умирать.

Положение, в котором приехавший в Германию осенью 1946 года застал немецкий народ, было, в двух словах, следующим: с моральной точки зрения совершенно невозможно делать

---

¹ «Еда на первом месте, мораль – потом» (нем.). Из «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта. *Здесь и далее примеч. пер.*

какие бы то ни было выводы об идеологических воззрениях этого народа. Ведь голод – это своего рода неполноценность, это не только физическое, но и психическое состояние, которое оставляет человеку крайне мало пространства для длительных размышлений. Вот почему здесь можно услышать много крайне неприятных вещей, но и они, учитывая ситуацию, никому не дают права делать однозначные прогнозы. Лично я не слышал ничего более отвратительного, чем высказывание одного директора банка из Гамбурга, который утверждал, что норвежцы, несмотря ни на что, должны быть благодарны немецким оккупантам, потому что они построили много горных дорог!

Апатия и цинизм («...dann kommt die Moral») – вот какую реакцию вызывали у общест-венности два важнейших политических события: казни в Нюрнберге и первые свободные выборы. Серые кучки гамбуржцев стояли перед досками объявлений, где сообщалось, что смертные приговоры приведены в исполнение. Никто не произнес ни слова. Люди просто читали объявления и шли мимо. На лицах не было понимания серьезности момента – лишь полное равнодушие. Да, в одну из школ для девочек в Вуппертале 15 октября школьницы при-шли в траурной форме; да, на одном мосту в Ганновере кто-то ночью написал огромны-ми белыми несмываемыми буквами «Нюрнберг – фу!»; да, на станции метро, прямо рядом с пла-катом, на котором была изображена бомбардировка, какой-то мужчина схватил меня за рукав и прошипел: «Тех, кто это сделал, так и не наказали!» Однако все это были скорее исклю-чения, которые еще сильнее подчеркивали общее безразличие немцев. 20 октября, в день пер-вых свободных выборов, в Берлине стояла гробовая тишина, как и в любое другое мертвое воскресенье. В безмолвных очередях на избирательных участках не было ни единого признака энтузиазма или радости.

Осенью по всей Германии проходили выбо-ры. Активность избирателей была на удив-ление высока, однако сводилась исключительно к принятию участия непосредственно в про-цедуре голосования. Обстоятельства были таковы, что выводы из результатов выборов нужно делать с осторожностью. Победа социал-демократов и поражение коммунистов – два неоспо-римых факта, но при этом далеко не таких однозначных, как если бы это случилось в нормально устроенном обществе. Во время предвыборной кампании социал-демократы в основном зани-мались внешнеполитическими проблемами, то есть Россией, а коммунисты – проблемами внутривнутриполитическими, то есть хлебом. Принимая во внимание условия жизни в подвалах, нельзя говорить, будто итоги выборов показали, что у немецкого народа проснулись демокра-тические инстинкты, скорее следует сказать, что страх оказался сильнее голода.

Было бы неправильно делать какие-то обобщающие выводы о росте нацистских настро-ений среди немцев, ссылаясь на горькие слова, которые звучат из немецких подвалов, но не меньшей ошибкой было бы и использовать слово «демократия» в связи с результатами немец-кого голосования. Если люди живут на грани голода, то борются они в первую очередь не за демократию, а за то, чтобы отодвинуться от этой грани как можно дальше. Вопрос на самом деле стоит задать следующий: не слишком ли рано были проведены свободные выборы? Как мера воспитания демократии, они в любом случае оказались довольно бессмысленными, поскольку против них работало много важных отрицательных факторов на уровне внешней политики: ограниченная свобода передвижения немецких политиков привела к тому, что скеп-тики отнеслись к свободным выборам с изрядным недоверием, воспринимая их скорее как тактическую уловку союзников, целью которой было отвлечь внимание от недовольства их политикой снабжения и поставить под удар немецкие власти. Громоотвод, иначе не скажешь. Необходимым условием возникновения демократии могли бы стать не свободные выборы, а улучшение ситуации со снабжением, появление у людей хоть какой-то надежды. Все, что при-водило к постепенному умиранию этой надежды, – урезанные пайки на фоне благосостояния солдат стран-союзников, демонтаж всего без разбора, когда конфискованные материалы про-

сто лежали и ржавели под проливным немецким дождем, выселение из квартиры пяти немецких семей, чтобы освободить место для семьи союзников, и в первую очередь – метод искоренения милитаризма с помощью милитаристского режима, стремление вызвать отвращение к немецкой униформе в стране, наводненной союзниками, – все это привело к тому, что попытки насаждения демократии оказались скорее бесплодными, чем полезными, хотя позднее, разумеется, все это следовало бы сделать.

Одним словом, журналисту, попятившемуся к выходу из подвала той осенью, следовало проявить больше смирения, смирения перед лицом страдания, пусть и заслуженного, потому что заслуженное страдание так же тяжело, как и незаслуженное, и вызывает такие же ощущения в животе, груди и ногах, и эти три в высшей степени конкретных болевых ощущения не следует забывать, отвлекаясь на запах горечи и обиды, который заполнил собой Германию этой дождливой послевоенной осенью.

Руины

Когда старые утешения не работают, приходится находить новые, пусть даже абсурдные. В немецких городах приезжий часто сталкивается с просьбой жителей подтвердить, что во всей Германии именно их город больше всего пострадал от огня, бомбежек и разрушений. Они не пытаются найти утешение в несчастье, утешением для них стало само несчастье. Эти люди приходят в дурное расположение духа, когда им говоришь, что в других местах видал разрушения и похуже. Возможно, ни у кого нет права на такие высказывания, потому что каждый немецкий город разрушен ужаснее других, если вам приходится в нем жить.

Берлин: ампутированные церковные башни и купола, бесконечные ряды разрушенных правительственных дворцов, чьи обезглавленные прусские колоннады лежат на тротуарах, уткнувшись в асфальт греческими профилями. Ганновер: перед зданием вокзала на единственной упитанной лошади во всей стране восседает король Эрнст Август – в этом городе, где когда-то жили четыреста пятьдесят тысяч человек, легкими царапинами отделался только он. Эссен: кошмар обнаженных, стынувших на холоде железных конструкций и обвалившихся фабричных стен.

Три моста в Кёльне вот уже два года лежат на дне Рейна, а собор, мрачный и закопченный, одиноко возвышается среди руин, раной в боку зияет новая красная черепица, и в сумерках кажется, будто собор истекает кровью. На крепостных стенах Нюрнберга обрушились внушающие ужас почерневшие средневековые башни. В городках Рейнской зоны из разрушенных бомбежками бревенчатых домов торчат ребра балок. Теперь только в одном городе Германии берут плату за посещение руин: Гейдельберг пощадила война, и в эпоху руин живописные руины старинного замка выглядят как дьявольская пародия на самих себя.

Возможно, повсюду и правда одинаково ужасно. Однако если есть желание зафиксировать поставленные рекорды и стать экспертом по руинам, если хочется создать карту всех руин, которые может предложить приезжему стертый с лица земли город, если хочется увидеть не лежащий в руинах город, а ландшафт самих руин, более пустынный, чем сама пустыня, более дикий, чем горы, и такой же невообразимый, как кошмарный сон, тогда один немецкий город все же окажется вне конкуренции – Гамбург.

В Гамбурге есть одно место: когда-то это был жилой район с прямыми широкими улицами, площадями и деревьями, пятиэтажками и газонами, гаражами, ресторанчиками, церквями и общественными туалетами; начинался он от одной станции пригородных поездов и заканчивался чуть дальше следующей станции.

Те пятнадцать минут, что едешь на поез-де, за окном постоянно мелькает что-то вроде огромной свалки из разрушенных торцов домов, отдельно стоящих стен с зияющими пустотой оконными проемами, которые неподвижно глядят на проходящий мимо поезд, неопределенных развалин, помеченными черными пятнами пожарищ, высокими и четко очерченными, словно триумфальные арки, или маленькими, как скромные кладбищенские надгробия.

Из куч гравия, подобно мачтам давным-давно затонувших кораблей, торчат ржавые балки. Из белых гор разбитых ванн или серых гор камня, из раскрошенной в пыль черепицы и обугленных батарей возвышаются колонны шириной в метр, которые скульптор-судьба высекла в разрушенных кварталах. Заботливо сохраненные фасады существующих домов напоминают театральные декорации к так и не поставленным пьесам.

В этом появившемся три года назад варианте Герники и Ковентри можно найти всевозможные геометрические фигуры: правильные квадраты школьных стен, маленькие и большие треугольники, ромбы и овалы внешних стен огромных доходных домов, которые еще весной 1943 года располагались между станциями Хассельброк и Ландвер.

Поезд на средней скорости проезжает эту не укладывающуюся в голове пустошь примерно за пятнадцать минут, и за все время мы с моей молчаливой сопровождающей не замечаем из окна ни единого человека – а ведь когда-то это был один из наиболее густонаселенных районов Гамбурга. Поезд, как и все немецкие поезда, забит под завязку, но, кроме меня и моей спутницы, в окно никто не смотрит, никому не хочется видеть, возможно, самые ужасные руины Европы, но когда я отворачиваюсь от окна, то встречаю взгляды, говорящие: «Он – не из наших».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.